

Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика

Камиль Галеев*

Аннотация. К. Виттфогель (1886–1988) — немецкий и американский синолог, социолог и историк, испытавший серьезное влияние марксизма. Вскоре после Второй мировой войны он создал теорию гидравлического государства, согласно которой деспотизм неевропейских обществ и их отставание от Европы объясняются влиянием социальных структур, необходимых для ведения ирригационного земледелия. Эта теория предстала в законченном виде в книге «Oriental despotism: a comparative study of total power» (1957). Статья посвящена современной (после 1991 года) критике и интерпретации идей Виттфогеля в англоязычной периодике и диссертациях. Виттфогель остается широко цитируемым автором, идеи которого, тем не менее, редко обсуждаются по существу. Так или иначе, гидравлическая теория получила развитие, хотя ее современные интерпретации могут сильно отличаться от первоначальной, в частности, ее трактуют как исключительно политэкономическую теорию и применяют, в том числе, к европейским обществам.

Ключевые слова. Виттфогель, ирригация, марксизм, компаративистика, ориенталистика, восточный деспотизм, азиатский способ производства.

Карл Август Виттфогель (1886–1988) — немецкий и американский синолог, социолог и историк, испытавший серьезное влияние марксизма. Еще в 1920-е годы, будучи одним из видных мыслителей Коммунистической партии Германии, он интересовался вопросами связи природной среды и общественного развития (Bassin, 1996). 1933–1934 годы Виттфогель провел в концлагере, что впоследствии серьезно повлияло на его взгляды. После освобождения он эмигрировал в Великобританию, а затем в США.

В 1930-е годы, когда Виттфогель занимался историей Китая, его уже интересовала теория азиатского способа производства. Об этом свидетельствует его статья «Die Theorie der orientalischen Gesellschaft» (Wittfogel, 1938). В ней Виттфогель развивал положения Маркса об особой общественно-экономической формации, основанной на ирригационном земледелии.

К концу Второй мировой войны Виттфогель стал убежденным антикоммунистом, активно участвовал в работе комитета Маккарана. Тогда же он окончательно формулирует теорию гидравлического государства, которая предстала в законченном виде в книге «Oriental despotism: a comparative study of total power» (Wittfogel, 1957).

Эта книга сразу же после своего выхода вызвала бурную реакцию (Beloff, 1958: 186–187; East, 1960: 80–81; Eberhardt, 1958: 446–448; Eisenstadt, 1958: 435–446; Gerhardt, 1958: 264–270; Macrae, 1959: 103–104; Palerm, 1958: 440–441; Pulleyblank, 1958: 351–353; Stamp,

* Галеев Камилль Рамилевич — студент факультета истории НИУ ВШЭ, kamilkazani@gmail.com

© Галеев К. Р., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1958: 334–335). Поначалу отзывы были в основном положительными, но впоследствии стала преобладать критика.

Работы, развивающие идеи Виттфогеля или критикующие их, изданы на многих языках мира. В России, несмотря на малую известность идей Виттфогеля, его наследие также обсуждается¹.

Российские исследователи восприняли в основном только один аспект его идей, а именно — институциональный. Противопоставление «частной собственности» как западного феномена и «власти-собственности» как явления ориентального было принято российскими экономистами (Нуреев, Латов, 2007), возможно, потому, что отражает современные российские (а не восточные) реалии. Географический же аспект гидравлической теории интереса не вызвал. По-видимому, это связано с тем, что в России никогда не было крупных ирригационных хозяйств и вопрос об их влиянии на историческое развитие представляется здесь (в отличие от Бангладеш или Кореи) неактуальным.

Целью нашей работы является выяснение характера современной критики Виттфогеля. Поскольку рассмотреть и русскоязычную, и англоязычную критику Виттфогеля в рамках одной статьи невозможно, мы ограничились англоязычной периодикой и диссертациями, опубликованными после 1991 года. Эта дата выбрана потому, что после распада СССР теория Виттфогеля стала политически менее актуальной и с этого момента критика сосредотачивается исключительно на научной стороне гидравлической теории.

Мы искали статьи и диссертации, тематически связанные с гидравлической теорией, в базах данных Project Muse, ProQuest, SAGE Journals Online, Springer Link, Web of Knowledge, Science Direct, Jstor, Wiley InterScience, InfoTrac OneFile, Cambridge Journals Online, Taylor & Francis. Поиски показали, что Виттфогель остается широко цитируемым автором. Нам удалось найти свыше 500 упоминаний гидравлической теории Виттфогеля, ссылок на соответствующие работы в англоязычной периодике за последние 20 лет, упоминаний об идейном влиянии Виттфогеля на авторов тех или иных книг в рецензиях на них (Davis, 1999: 29; Glick, 1998: 564–566; Horesh, 2009: 18–32; Hugill, 2000: 566–568; Landes, 2000: 105–111; Lipsett-Rivera, 2000: 365–366; Lalonde, 2001: 115; Singer, 2002: 445–447; Squatriti, 1999: 507–508) и четыре диссертации (Hafiz, 1998; Price, 1993; Sidky, 1994; Siegmund, 1999), посвященные проблемам гидравлических обществ.

Актуальность теории Виттфогеля подвергается сомнению только в статье «Telling otherwise: a historical anthropology of tank irrigation technology in South India». Ее автор Эши Шах полагает, что теория Виттфогеля уже не является предметом дискуссий (Shah, 2008).

В большинстве проанализированных нами статей и во всех диссертациях теория Виттфогеля рассматривается не как казус из истории идей, но как исследовательский инструмент, пусть даже его пригодность и оспаривается.

1. Пока Виттфогель придерживался марксистских взглядов, его работы издавались в России, например, «Геополитика, географический материализм и марксизм» (Под знаменем марксизма. 1929. №№ 2–3, 6–8). Однако теория гидравлического государства была сформулирована им уже после отхода от марксистских позиций и осталась неизвестной в СССР. «Восточный деспотизм» на русский язык не переводился.

Тем не менее в десяти статьях (Butzer, 1996; Davies, 2009; Kang, 2006; Lansing, 2009; Lees, 1994; Midlarsky, 1995; Olsson, 2005; Price, 1994; Sayer, 2009; Stride, 2009) и двух диссертациях (Sidky, 1994; Siegmund, 1999) можно встретить аргументированную критику или, напротив, апологию гидравлической теории. В большинстве остальных есть только упоминания теории Виттфогеля, ссылки на него, отрывочные суждения или замечания о том, что его идеи стимулировали научные исследования в области ирригации, связи природной среды и технологии хозяйства с политическим строем (Swyngedouw, 2009: 59).

Теория гидравлического государства

Согласно концепции Виттфогеля, ирригационный способ земледелия является наиболее вероятным ответом доиндустриального общества на трудности ведения хозяйства в условиях засушливого климата. Связанная с этим способом хозяйства необходимость организованных коллективных работ приводит к развитию бюрократии и, как следствие, к усилению авторитаризма. Так возникает восточная деспотия, или «гидравлическое государство» (hydraulic state) — особый вид общественного устройства, отличающийся крайним антигуманизмом и неспособностью к прогрессу (власть блокирует развитие).

Степень доступности воды является фактором, определяющим (с высокой степенью вероятности) характер развития общества, но не единственным, необходимым для его выживания. Для успешного ведения земледельческого хозяйства необходимо совпадение нескольких условий: наличие культурных растений, пригодная почва, определенный климат, не препятствующий земледелию рельеф местности (Wittfogel, 1957: 11).

Все эти факторы абсолютно (и потому равно) необходимы. Разница лишь в том, насколько успешно человек может влиять на них, оказывать «компенсирующее воздействие» (compensating action): «Эффективность человеческого компенсирующего воздействия зависит от того, насколько легко неблагоприятный фактор может быть изменен. Некоторые факторы можно рассматривать как неизменные, так как при имеющихся технологических условиях они не поддаются человеческому воздействию. Другие поддаются ему легче» (Wittfogel, 1957: 13). Так, одни факторы (климат) до сих пор практически не регулируются человеком, другие (рельеф) — фактически не регулировались в доиндустриальную эпоху (область террасного земледелия была незначительна относительно общей площади обрабатываемой земли). Впрочем, на некоторые факторы человек может повлиять: завезти в определенную местность культурные растения, удобрить и обработать почву. Все это он способен сделать в одиночку (или в составе небольшой группы).

Таким образом, мы можем выделить два основных типа факторов земледелия: такие, изменить которые человеку легко, и такие, какие он изменить не может (или не мог большую часть своей истории). Лишь один природный фактор, необходимый для земледелия, не вписывается ни в одну из этих групп. Он поддавался воздействию человеческого общества и в доиндустриальную эпоху, но только при коренном изменении организации этого общества человеку необходимо было в корне изменить

организацию своего труда. Этот фактор — вода. «Вода отличается от остальных природных факторов земледелия... Она не слишком редка и не слишком тяжела, что позволяет человеку управлять ею. В этом отношении она схожа с почвой и растениями. Но она коренным образом отличается от них степенью своей доступности к перемещению и техниками, необходимыми для этого перемещения» (Wittfogel, 1957: 15).

Вода скапливается на поверхности земли очень неравномерно. Это не имеет особого значения для земледелия в регионах с высоким уровнем осадков, но крайне важно — в засушливых областях (а самые плодородные регионы земного шара все находятся в зоне засушливого климата). Поэтому ее доставка на поля может быть решена только одним способом — массовым организованным трудом. Последнее особенно важно, так как некоторые неирригационные работы (например, расчистка леса) могут быть очень трудоемкими, но не требующими четкой координации, поскольку цена ошибки при их выполнении намного ниже.

Ирригационные работы связаны не только с обеспечением достаточного количества воды, но и с защитой от слишком большого ее количества (дамбы, дренаж и т. п.). Все эти операции, по мнению Виттфогеля, требуют подчинения основной массы населения небольшому количеству функционеров. «Эффективное управление этими работами требует создания организационной системы, включающей в себя либо все население страны, либо, по меньшей мере, его наиболее активную часть. В результате те, кто контролирует эту систему, обладают уникальными возможностями для достижения высшей политической власти» (Wittfogel, 1957: 27).

Следует отметить, что выделению класса функционеров способствует также и необходимость ведения календаря и астрономических наблюдений. В древних ирригационных государствах бюрократия тесно связана с жречеством (это могут быть одни и те же люди, как в Древнем Египте или Китае).

Так возникает гидравлическое (hydraulic), или менеджериальное (managerial) деспотическое государство — самая распространенная форма общественного устройства на протяжении большей части человеческой истории.

Естественно, что государство, возникшее вследствие необходимости организации общественных работ в аграрной сфере, с высокой вероятностью будет пользоваться институтом принудительного труда (Виттфогель использует здесь испанский термин «*corvee*») и в других случаях. Отсюда — грандиозные сооружения древних государств: монументальные (храмы, гробницы и т. п., самый яркий пример — египетские пирамиды), оборонительные (Великая китайская стена) и утилитарные (римские дороги и акведуки)².

Менеджериальное государство, по Виттфогелю, сильнее общества и способно сохранять над ним полный контроль. Для этого предпринимаются специальные меры, такие, например, как порядок наследования в равных долях, дробящий владения

2. Виттфогель считал, что Рим в раннереспубликанский период не был гидравлическим государством, но впоследствии, завоевав Египет и Сирию, стал перенимать восточные традиции управления и превратился в окраинное (marginal) гидравлическое государство. С этим, вторым периодом римской истории и связаны те сооружения, которые в массовом сознании ассоциируются с Римом: дороги, акведуки, амфитеатры и т. д.

и препятствующий возникновению крупных собственников, опасных для власти (Wittfogel, 1957: 79).

Собственность в гидравлическом государстве поэтому принципиально отлична от собственности европейской. В деспотических государствах земля является лишь источником дохода, а в европейских — еще и политической власти (Wittfogel, 1957: 318). С этим отсутствием политического смысла землевладения связан феномен «землевладения в отсутствие» (*absentee landlordism*), когда собственник земли не живет на ней, что тормозит развитие земледелия в Азии.

Виттфогель выделяет три типа отношений собственности (*patterns of property*) в гидравлических обществах: сложный (*complex*), средний (*semicomplex*) и простой (*simple*):

1) Если частная собственность не распространена ни в форме движимого, ни в форме недвижимого имущества, то мы имеем дело с простым гидравлическим типом отношений собственности.

2) Если частная собственность развита в сфере производства и коммерции, то это — средний тип.

3) И, наконец, если частная собственность значима в обоих секторах, то это — сложный тип (Wittfogel, 1957: 230–231).

Виттфогель подчеркивает, что гидравлические общества не всегда лишены привлекательных на первый взгляд демократических черт. Эти черты, такие как независимость общин, эгалитаризм, религиозная толерантность, элементы выборной демократии, являются проявлениями «демократии попрошаек» (*beggars democracy*), во всем зависимой от центральной власти. Выборность властей, по Виттфогелю, вполне сочетается с деспотизмом (e.g. Монгольская империя).

Виттфогель считает, что гидравлическое общество настолько подавлено государством, что в нем не может быть классовой борьбы, несмотря на наличие социального антагонизма.

Соответственно, степень свободы, существующая в гидравлическом обществе, зависит от силы государства (сильное государство может разрешить подданным пользоваться определенной долей свободы). Необыкновенно высокую степень развития частной собственности на землю в Китае Виттфогель пробует объяснить одновременным появлением в этой стране быков, железа и искусства верховой езды и, как следствие, мгновенным усилением государства: «...представляется очевидным, что Китай пошел дальше, чем любая другая крупная восточная цивилизация в укреплении частной собственности на землю... Можно ли предположить, что одновременное появление новых методов сельского хозяйства, новых приемов военного дела и быстрых коммуникаций (и уверенность в государственном контроле, которую дали два последних новшества) побудила правителей Китая безбоязненно экспериментировать с чрезвычайно свободными формами земельной собственности?» (Wittfogel, 1957: 309–310).

Благодаря своей исключительной организаторской силе гидравлическое государство справляется с теми задачами, которые были невыполнимы для других доиндустриальных обществ (например, создание большой и дисциплинированной армии).

Виттфогель не является географическим детерминистом. С его точки зрения, влияние социальных условий может оказаться значимее влияния условий географических.

Общество, по Виттфогелю, — это не объект, а субъект в своем взаимодействии с природной средой. Взаимодействие это приводит к возникновению гидравлического государства только при определенных социальных предпосылках (общество находится выше первобытнообщинной стадии, но не достигло индустриального этапа развития, и не находится под влиянием цивилизаций, основанных на дождевом земледелии) (Wittfogel, 1957: 12).

Виттфогель фактически оставляет место для свободной воли. Общество, живущее в засушливом климате, не обязательно станет ирригационным. Более того, Виттфогель полагает, что оно вполне может отказаться от этой перспективы, дабы сохранить свои свободы. «Многие примитивные народы, которые пережили годы и целые эпохи голода без решительного перехода к земледелию, демонстрируют непреходящую привлекательность нематериальных ценностей в тех условиях, когда материальное благополучие может быть достигнуто лишь ценой политического, экономического и культурного подчинения» (Wittfogel, 1957: 17).

Впрочем, учитывая, как много различных обществ независимо друг от друга создавали гидравлические экономики, мы можем говорить об определенной закономерности: «Очевидно, что перед человеком не стоит непреодолимая необходимость использовать возможности, которые ему предоставляет природа. Это ситуация открытого характера и гидроагрикультурный курс — лишь один из нескольких возможных. Тем не менее человек выбирал этот курс так часто и в таких разных регионах планеты, что мы можем прийти к выводу о наличии определенной закономерности» (Wittfogel, 1957: 16).

Гидравлические государства покрыли большую часть обитаемых пространств не потому, что все жители этих территорий перешли к гидравлическому типу хозяйствования, а потому, что не перешедшие (дождевые земледельцы (rainfall farmers), охотники, собиратели и скотоводы) оказались вытеснены или завоеваны гидравлическими государствами.

При этом не все регионы Земли (и даже не все области гидравлических государств) пригодны для ирригационного земледелия. Встает вопрос, что происходит с негидравлической страной после завоевания ее гидравлическим государством? Виттфогель отвечает на него следующим образом: социальные и политические институты, возникшие в центральных (core) ирригационных областях, переносятся и на неирригационные.

Виттфогель разделяет гидравлические общества на два условных типа («compact» и «loose»). Первые складываются тогда, когда гидравлическое «сердце» государства наряду с политическим и социальным доминированием добивается также и полной экономической гегемонии над негидравлическими окраинами, а вторые — когда оно не имеет такого экономического превосходства. Еще раз заметим, что граница между двумя этими типами условна — сам Виттфогель проводит ее по соотношению собираемого в гидравлических и негидравлических областях страны урожая. Если в

гидравлических областях собирается больше половины урожая страны, то она относится к «compact», а если меньше — то к «loose».

Эти типы Виттфогель делит, в свою очередь, на четыре подтипа, согласно характеру ирригационных систем и степени экономического доминирования гидравлической сердцевины над негидравлической периферией: сплошные компактные гидравлические системы (C1), раздробленные компактные гидравлические системы (C2), региональная экономическая гегемония центра (L1) и, наконец, отсутствие даже региональной экономической гегемонии гидравлического центра (L2).

Приводятся следующие примеры обществ, относящихся к каждому из этих типов:

C1: племена пуэбло, приморские города-государства древнего Перу, Древний Египет.

C2: города-государства Нижней Месопотамии и, возможно, царство Цинь в Китае.

L1: племена чагга, Ассирия, китайское царство Ци и, возможно, Чу.

L2: племенные цивилизации — Сук в Восточной Африке, Зуни в Нью-Мексико. Цивилизации с наличием государственности: Гавайи, государства Древней Мексики (Wittfogel, 1957: 166).

Виттфогель считал возможным проникновение гидравлических институтов в страны, где ирригация не практикуется или практикуется слабо, а гидравлические институты имеют экзогенное происхождение. Такие общества он относил к маргинальной зоне (marginal zone) деспотизма. К ним он относил Византию, послемонгольскую Россию, государства Майя и империю Ляо в Китае.

За маргинальной зоной естественно предположить существование субмаргинальной — в государствах этой зоны наблюдаются отдельные черты гидравлического устройства при отсутствии базиса. К субмаргинальным гидравлическим государствам относятся, по Виттфогелю, крито-микенская цивилизация, Рим в древнейшую эпоху своего существования, Япония, Киевская Русь.

Любопытно, что Японию, где ирригация практиковалась, Виттфогель относил к субмаргинальной зоне, а послемонгольскую Россию, где не практиковалась, — к маргинальной (т.е. Россия более гидравлическая страна). Дело в том, что японское земледелие, по мнению Виттфогеля, — гидроагркультурное (hydroagricultural), а не гидравлическое (hydraulic) т.е. осуществляется целиком и полностью крестьянскими общинами, без чьего бы то ни было контроля. «Японские ирригационные системы контролировались не столько национальными или региональными, сколько местными лидерами; гидравлические тренды развития были значимы только на местном уровне и только в течение первой фазы задокументированной истории страны» (Wittfogel, 1957: 195). Поэтому японская ирригация и не привела к созданию гидравлического общества. Россия же, оказавшись под властью монголов, восприняла все те гидравлические институты, которые мало прижились в предыдущий, киевский период ее истории.

Виттфогель связывал менеджеральный тип государства с СССР и нацистской Германией, полагая, что в этих обществах тенденции восточного деспотизма нашли свое наиболее полное воплощение. Если подобную оценку СССР он аргументирует, пусть и не слишком убедительно, то обвинения гитлеровской Германии в структурном сходстве с гидравлическими режимами звучат голословно. В сущности, един-

ственный аргумент, приводимый им в поддержку тезиса о деспотической сущности нацистского режима, — следующий: «Ни один наблюдатель не станет называть гитлеровское правительство демократическим, потому что его обращение с собственностью евреев соответствовало Нюрнбергским законам. Он также не будет отрицать абсолютистского характера раннесоветского государства на том основании, что оно покупало зерно у крестьян по им же установленным ценам» (Wittfogel, 1957: 313). Этот аргумент малоубедителен. Из того, что гитлеровское правительство не являлось демократическим, никак не следует, что оно было гидравлическим.

Аргументация в поддержку положения об азиатском характере СССР сводится к двум пунктам:

1) Революция 1917 года была возвращением старого азиатского наследия в новом обличье.

2) Описанное теоретиками коммунизма социалистическое общество очень похоже на модель азиатского способа производства.

Следует отметить, что, по Виттфогелю, классики марксизма сами заметили это сходство и именно поэтому в поздних своих работах не упоминали азиатский способ производства в числе общественно-экономических формаций.

Обзор современной критики теории гидравлического государства

В работе «Irrigation and society» (Lees, 1994: 361) Сюзанна Лиис пишет, что многие критики Виттфогеля (в частности, Карнейро и Адамс) необоснованно критикуют гидравлическую теорию Виттфогеля, приписывая ему идеи, которых он не высказывал. Они полагают, что развитие ирригационных систем, согласно теории Виттфогеля, предшествовало политической централизации. С точки зрения Лиис, это — неправомерное утверждение: Виттфогель такого не писал. По мнению Лиис, Виттфогель рассматривает централизацию и рост ирригационных сооружений как взаимозависимые (*interdependent*) процессы, т.е. явления с положительной обратной связью (Lees, 1994: 364).

Разногласия между Лиис, с одной стороны, и Карнейро и Адамсом — с другой, вполне объяснимы. Взгляды Виттфогеля на развитие восточных обществ менялись со временем и предстали в законченном виде как теория восточного деспотизма только в его *magnus opus* — «Oriental despotism» (1957). В этой книге он не выразился определенно по данному вопросу.

Защищая Виттфогеля от неправомерной, с ее точки зрения, критики, Лиис тем не менее ставит под сомнение тезис Виттфогеля о том, что причиной стагнации Азии была высокая эффективность ирригационного земледелия. По Виттфогелю, ирригационное (*hydraulic*) земледелие нуждается в развитой бюрократии, организующей строительство каналов, дамб, водохранилищ и т.п. Такое хозяйство чрезвычайно продуктивно, однако необходимые для его ведения бюрократизация и иерархизация общества блокируют экономическое и социальное развитие.

Лиис считает, что можно говорить об эффективности только небольших сооружений, контролируемых на местном уровне. Крупные же, поддерживаемые государством, — крайне неэффективны. Этот вывод является основным результатом

исследования, о котором она пишет в своей статье (причем неэффективны, по ее мнению, масштабные государственные сооружения не только древних цивилизаций, но даже и современные, как то: ирригационные системы Бразилии или Запада США, которые везде приводят к разрастанию бюрократии и нигде не оправдывают затраты). Таким образом, с точки зрения Лиис, конечной причиной отсталости азиатских обществ является не высокая, а именно низкая эффективность управляемых государством гидравлических систем (это ни в коем случае не касается небольших частных или общинных сооружений) (Lees, 1994: 368-370).

Роксана Хафиз в диссертации «After the flood: hydraulic society, capital and poverty» (Hafiz, 1998) развивает схожие положения на ином примере. Причиной бедности и отсталости Бангладеш она считает ирригационную экономику и, как ее следствие, — гидравлический экономический и социальный строй. Этому строю присущи черты, которые Маркс и Виттфогель считали характерными для азиатского способа производства. Причем, по мнению Хафиз, капитализм и западные (т.е. дождевые, по Виттфогелю) институты не являются противоядием от гидравлического строя и сопутствующих ему нищеты и стагнации, а только усиливают их.

Факты, приводимые Хафиз, можно было бы счесть контрпримером против теории Виттфогеля (хотя она и не трактовала их таким образом), если бы Виттфогель полагал, что колониализм разрушает гидравлические институты. Но он (в отличие от Маркса) писал в «Oriental despotism», что азиатский способ производства сохраняется и при политическом господстве европейцев.

Статья Дэвида Прайса «Wittfogel's neglected hydraulic/hydroagricultural distinction» (Price, 1994) также посвящена защите Виттфогеля от критики, основанной на непонимании его идей. Прайс полагает, что основная ошибка критиков Виттфогеля, таких как Хант, состоит в том, что они не замечают разницы между двумя типами обществ, четко различаемых Виттфогелем: гидравлическими (hydraulic) и гидроагрикультурными (hydroagricultural). Экономика первых основана на крупномасштабных и контролируемых государством ирригационных сооружениях, а вторых — на небольших и контролируемых общинами.

Прайс пишет: «В последние несколько десятилетий теории Виттфогеля полностью отвергались критиками, утверждавшими, что небольшие ирригационные сооружения создавались по всему миру, не приводя к развитию гидравлических государств, предсказанному Виттфогелем. Я полагаю, что критики Виттфогеля допустили недобросовестное упрощение его идей, не замечая разницы между гидравлическими и гидроагрикультурными обществами» (Price, 1994: 187). Вследствие игнорирования этой разницы критики Виттфогеля находят мнимые противоречия, находя у гидроагрикультурных обществ черты, которые, по Виттфогелю, не присущи обществам гидравлическим.

Похожие соображения можно найти и в диссертации Прайса «The evolution of irrigation in Egypt's Fayoum Oasis: state, village and conveyance loss». Кроме того, в диссертации доказывается важность внешней координации для выполнения ирригационных работ (dependence on the supra-local coordination of irrigation activities) в Фаюмском оазисе и наличие прямой связи между политической централизацией Египта и развитием ирригации в этой области (Price, 1993).

Применимость теории Виттфогеля отстаивает и Хомаюн Сидки в диссертации «Irrigation and state formation in Hunza: the cultural ecology of a hydraulic kingdom» (Sidky, 1994). С его точки зрения, гидравлическая теория Виттфогеля наилучшим образом объясняет развитие этого афганского государства.

Манус Мидларски в статье «Environmental influences on democracy: aridity, warfare, and a reversal of the causal arrow» предлагает пересмотреть как привычную интерпретацию теории Виттфогеля, так и некоторые положения, на которых она основана. С одной стороны, он утверждает, что теория гидравлического государства объясняет не возникновение государства, а его превращение в деспотию, и непонимание этого факта, по мнению Мидларски, приводит к ошибочному восприятию всей теории Виттфогеля (Midlarsky, 1995: 226).

Мидларски идет дальше Виттфогеля: он утверждает, что корреляция между уровнем развития ирригации и степенью деспотизма наблюдается и в капиталистических европейских обществах (так, он отмечает, что крупнейшие ирригационные сооружения в Европе XX века были сооружены в Испании при диктаторе Примо де Ривера и в Италии при Муссолини) (Midlarsky, 1995: 227). Впрочем, Мидларски считает, что основной причиной развития авторитаризма в большинстве обществ является не засушливый климат (и отсюда необходимость ирригации), а наличие протяженных сухопутных границ, нуждающихся в защите. Он рассматривает последовательно четыре древних общества: Шумер, государства Майя, Крит и Китай и приходит к выводу, что древнейшие ирригационные общества не знали сильной власти, причем на островах (на Крите и в островных городах-государствах майя у берегов Юкатана) эгалитарные традиции сохранялись намного дольше. В оценке минойского общества Мидларски расходится с Виттфогелем: тот рассматривает Крит как восточную деспотию, а Мидларски обращает наше внимание на то, что среди огромного количества сохранившихся фресок во дворцах Крита нет ни одного изображения царских подвигов. Даже тронные залы не отличаются от других помещений дворца. Мидларски приходит к выводу, что нет никаких оснований считать Крит деспотией (или хотя бы наследственной монархией) (Midlarsky, 1995: 234).

Мидларски приводит в качестве иллюстрации важности фактора островного-континентального положения пример Англии и Пруссии (Midlarsky, 1995: 241–242). Обе страны, казалось бы, обладали равными предпосылками для развития демократии: обильными осадками, европейским положением (Мидларски считает его важным из-за синергетического эффекта) и т. д. Только один фактор вносил различия: Англия расположена на острове (и очень рано подчинила своих соседей), а Пруссия с трех сторон окружена сушей. Поэтому Пруссия была вынуждена нести неизмеримо большие военные расходы, и это препятствовало развитию демократических институтов.

Отметим, что Мидларски расходится с Виттфогелем в оценке не только обществ, не относящихся к области интересов Виттфогеля (Крит или майя), но и Китая. С точки зрения Мидларски, государство Шан (древнейшая династия, чье существование доказано археологически) не было деспотическим, а систему двух царских династий, поочередно выдвигавших наследника престола, он даже сравнивает с двухпартийной системой современных демократий (Midlarsky, 1995: 235).

Но важность выводов Виттфогеля Мидларски не отрицает. С его точки зрения, возникновение древнейших деспотий в Месопотамии было вызвано сочетанием двух способствующих «автократии в имперской форме» (*autocracy in imperial form*) факторов: засушливого климата и отсутствия водных границ — барьеров для завоевателей.

Как следует из названия статьи Бонг В. Канга «Large-scale reservoir construction and political centralization: a case study from ancient Korea» (Kang, 2006), он опровергает теорию Виттфогеля на примере строительства водохранилищ раннесредневековой Кореи (а именно в королевстве Силла). Канг стремится продемонстрировать неприменимость выводов Виттфогеля, доказывая, что в Корее политическая централизация осуществилась до начала крупных ирригационных работ. Он указывает, что мобилизация рабочих для крупномасштабного строительства могла быть произведена лишь уже существующей сильной властью: «Тот факт, что королевское правительство смогло мобилизовать работников как минимум на 60 дней, свидетельствует о том, что королевство Силла уже было устоявшимся и высокоцентрализованным политическим образованием еще до того, как началось строительство резервуара» (Kang, 2005: 212). К тому же строительство резервуаров требовало наличия развитой бюрократической иерархии — у нас есть свидетельства того, что чиновник, курировавший строительство резервуара, имел двенадцатый ранг из шестнадцати существовавших, что говорит о Силле как о централизованном аристократическом государстве (Kang, 2005: 212–213).

Критика Виттфогеля Кангом по данному пункту звучит неубедительно, по существу, он показывает лишь, что строительство водохранилищ в Корее стало возможно только после создания сильных иерархизированных государств. Этот тезис не противоречит теории Виттфогеля, так как в соответствии с ней процессы укрепления государства и развития ирригации являются поэтапными и взаимосвязанными. Таким образом, создание сооружений определенной сложности и размера, по Виттфогелю, требует известной степени организации государства, в свою очередь, обусловленной предыдущим развитием ирригации.

Впрочем, мы можем найти у Канга и более интересное соображение. Если бы ирригация играла ключевую роль в создании корейских государств, то их политические центры должны были бы совпадать с районами строительства ирригационных сооружений. Между тем столицы всех корейских государств (не только Силла) располагались далеко от водохранилищ. Следовательно, ирригация не являлась ключевым фактором формирования этих государств (Kang, 2005: 211–212).

Стефан Лансинг, Мюррей Кокс, Син Доуней, Марко Ланссен и Джон Шонфельдер в статье «A robust budding model of Balinese water temple networks» отвергают две доминирующие, на их взгляд, в общественных науках модели ирригационного хозяйства: теорию гидравлического государства Виттфогеля и теорию «общинных ирригационных систем» (*community-based irrigation systems*) (Lansing et al., 2009: 113) и предлагают третью, основанную на результатах археологических раскопок на острове Бали.

Согласно этой предложенной ими модели, сложные ирригационные системы являются суммой независимых систем, созданных отдельными общинами (Lansing et al., 2009: 114).

Любопытно, что в этой модели мы находим общие черты с идеями Лиис (Lees, 1994). И в том и в другом случае прямое государственное вмешательство расценивается как неэффективное. Единственное отличие состоит в том, что в «budding model» государство может поощрять развитие местных ирригационных систем, не снижая при этом эффективности хозяйства. Авторы статьи не исключают, что государство может и непосредственно вмешиваться в ирригацию, но это, по их мнению, приведет к упадку системы (Lansing et al., 2009: 114).

Себастьян Страйд, Бернардо Ронделли и Симоне Мантеллини в статье «Canals versus horses: political power in the oasis of Samarkand» (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009) критикуют гидравлическую теорию Виттфогеля (а также идеи советских археологов, в частности Толстова), основываясь на материалах археологических раскопок Даргумского канала в долине Зеравшана.

Виттфогель и Толстов расходились в оценке ирригационных обществ Средней Азии. Виттфогель считал строительство «large-scale irrigation systems» в доиндустриальных обществах признаком особого азиатского способа производства (или восточного деспотизма). Толстов же полагал, что общественный строй среднеазиатских обществ может быть описан в терминах рабовладения или феодализма. Толстов придерживался, естественно, пятичленной схемы развития, а Виттфогель — нет.

Тем не менее в одном вопросе они сходились — оба считали строительство ирригационных сооружений тесно связанным с развитием государства. Толстов даже употреблял по отношению к такому государству термин «восточный деспотизм», хотя и вкладывал в это понятие другой смысл, раз считал его совместимым с феодализмом (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 74).

Таким образом, и Виттфогель, и советские ученые усматривали в сооружении оросительных каналов и контроле государства над населением причинно-следственную связь. Разница состояла в том, что если Виттфогель полагал усиление государства результатом такого строительства, то советские археологи, напротив, объясняли строительство ирригационных сооружений развитием производительных сил (и отсюда — контролем государства над ними) (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 74–75).

По мнению авторов статьи, и советские археологи, и Виттфогель ошибаются в интерпретации ирригационной экономики и ее связи с политической властью. Во-первых, как показали раскопки в долине Зеравшана, местная ирригационная система сооружалась в течение длительного времени усилиями отдельных общин и не была результатом государственного решения. Ее длина свыше 100 км и орошаемая площадь свыше 1000 км² позволяет причислить местную экономику лишь к «компактным» (compact) гидравлическим экономикам, согласно классификации Виттфогеля (в его терминологии понятие «компактный» относится не к размеру экономики, а к степени интенсивности ирригации и удельному весу продукции ирригационного земледелия по отношению к общей массе сельскохозяйственной продукции). Авторы статьи приходят к выводу, что сооружение ирригационных систем было результатом стихийного многовекового строительства, а не выполнения заранее намеченного плана (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 78).

Во-вторых, период максимального развития ирригации, когда действия местных общин начинают регулироваться извне (Согдийская эпоха), является также (по

признанию советских археологов) периодом максимальной политической децентрализации, известной для Средней Азии. Более того, в эту эпоху здесь возникает социальный строй очень близкий к европейскому феодализму: «Согдийский период — это период строительства канала, или, по крайней мере, период его наиболее интенсивной эксплуатации. Таким образом, это ключевой период для понимания взаимосвязи политической структуры и ирригационной системы Самарканда. Археологический ландшафт этого периода свидетельствует о... чрезвычайной децентрализации государственной власти и сосуществовании, по крайней мере, двух миров. С одной стороны, это мир замков, который иногда сравнивают с миром европейского феодализма. С другой стороны, это мир автономных городов-государств, в которых король был лишь первым среди равных, в которых престол далеко не всегда передавался наследникам и которые обладали собственной юрисдикцией, в некоторых случаях даже чеканя собственную монету» (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 78).

В-третьих, границы средневековых среднеазиатских государств не совпадали с границами гидрологическими, что предполагает не гидравлические источники социальной стратификации и политической власти (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 79).

И наконец, в-четвертых, местные общины продолжали поддерживать старые и сооружать новые оросительные системы даже после русского завоевания, не получая никакой поддержки от государства. Из этого можно сделать вывод, что местные крестьяне и раньше не нуждались в государственной организации для строительства каналов (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 80).

По мнению авторов статьи, основным источником власти в Средней Азии был не контроль над ирригацией, а опора на военную силу кочевников. Они обращают внимание на то, что все династии Самарканда, за исключением Саманидов, имели кочевое происхождение (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 83).

Таким образом, основная ошибка Виттфогеля и Толстова, по мнению авторов статьи, состоит в том, что они принимают оазисы Средней Азии за «миниатюрные Месопотамии», в то время как эти оазисы были окружены огромными степными пространствами и поэтому кочевой фактор был основным для их политического развития (Stride, Rondelli, Mantellini, 2009: 83).

С точки зрения Виттфогеля, гидравлическая надстройка имела причинно-следственную связь с гидравлическим базисом. Еще один пример общества, где Виттфогель находил гидравлическую политическую надстройку, гидравлический базис в которых, как показывают исследования, отсутствует, мы находим в статье Манданы Лимберт «The senses of water in an Omani town» (Limbert, 2001). В Омани, в отличие от идеального гидравлического общества Виттфогеля, распределение воды не контролируется централизованно. Виттфогель не анализировал традиционную оманскую экономику, но поскольку мусульманские общества он считал гидравлическими, то Оман может считаться контрпримером для его теории: «В отличие от „гидравлического государства“ Виттфогеля, вода — главное средство производства, не контролируется здесь централизованной властью. Несмотря на то, что богатым легче покупать часть мощностей (water-time) каналов или брать их в аренду, крупная собственность быстро раздробляется в силу права наследования. Кроме того, арендные ставки трудно поднять по произволу владельцев, с одной стороны — из-за того, что они устанавли-

ваются на аукционе, с другой — из-за запрета на извлечение прибыли. Наибольшую выгоду получают мечети, собственность которых не может быть раздроблена и которые могут сдавать в аренду избыточные мощности каналов» (Limbert, 2001: 45).

Контрпример иного характера (есть гидравлический базис, но нет соответствующей надстройки) приводит Стефен Коткин в статье «Mongol commonwealth? Exchange and governance across the post-Mongol space». Он считает, что концепция Виттфогеля ошибочна и останется таковой, даже если мы отбросим ее сомнительный географический аспект (термин «восточный деспотизм»). По мнению Коткина, у нас нет свидетельств того, что ирригация была причиной институциональных различий между Востоком и Западом. Ирригационный тип экономики Виттфогель считал причиной развития деспотизма в Китае, а другие исследователи — причиной возникновения голландской демократии (Kotkin, 2007: 513).

Впрочем, Виттфогель полагал, что гидравлическая экономика приводит к созданию гидравлического государства лишь вне зоны влияния крупных центров дождевой экономики. Так что отсутствие гидравлических институтов в Голландии не противоречит его теории.

В статье «Geography and institutions: plausible and implausible linkages» (Olsson, 2005) Ола Олссон рассматривает различные теории географического детерминизма, в том числе теорию Виттфогеля, и выдвигает ряд возражений. Она замечает, что Индия, в которой Виттфогель находит гидравлические институты, была разделена природными барьерами, как и Европа, так что в ней так и не возникло единой гидравлической империи (напомним, что Виттфогель объяснял отсутствие гидравлического государства в Японии географической раздробленностью страны, не позволившей объединить оросительные системы): «В течение всей его истории, Индийский континент был раздроблен, так же как и Европа; здесь не возникло единой империи, основанной на ирригации» (Olsson, 2005: 181–182).

Египет, по мнению Олссон, не подкрепленному, правда, никакими аргументами, испытывал влияние той же культурной и природной среды (средиземноморской), что и греки, и римляне (Olsson, 2005: 182). С ее точки зрения, теория Виттфогеля лучше всего подходит для описания хорошо изученного им Китая (Olsson, 2005: 181–182).

Дункан Сайер в статье «Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen» (Sayer, 2009) на примере экономики средневекового фенланда (болотистых областей Восточной Англии) показывает, что модель гидравлической экономики (но не государства) Виттфогеля применима даже к тем обществам, к которым сам Виттфогель ее не относил. Новаторство подхода Сайера состоит в том, что он разделяет теорию гидравлического общества Виттфогеля на две самостоятельные концепции: гидравлической экономики и собственно гидравлического государства. Ко второй он относится с большим скептицизмом, а первую не только принимает, но и выводит за рамки ее применимости по Виттфогелю же.

Виттфогель считал, что Европа не знала гидравлических государств: единственный приводимый Виттфогелем пример такого государства в Европе, (мусульманская Испания) — система экзогенная. Сайер же доказывает, что описание гидравлического строя у Виттфогеля соответствует положению дел в средневековом английском фенланде.

Как пишет Сайер, пятью основными признаками гидравлического общества, названными Виттфогелем, были: 1) знакомство общества с земледелием; 2) наличие рек, которые могут быть использованы для повышения эффективности земледелия; 3) организованный труд для строительства и эксплуатации ирригационных сооружений; 4) наличие политической организации; 5) наличие социальной стратификации и профессиональной бюрократии. Общество английского фенланда соответствовало всем пяти требованиям (Sayer, 2009: 145).

В фенланде, как и в гидравлическом государстве Виттфогеля, функцию организатора принудительных ирригационных работ берут на себя корпорации служителей культа, в данном случае — монастыри. И в восточной деспотии, и в фенланде эти организации эксплуатируют непосредственно крестьянские общины: «Сооружение морской дамбы, без которой мелиорация болот была бы невозможна, и сооружение больших каналов были необходимы для хозяйства фенланда. В XII веке монахи из монастыря Эли вырыли „десятимильную реку“, перенаправив реку Оуз-Кэм в Висбех, чтобы избежать наслоения ила в русле реки. Эти примеры показывают необходимость административной элиты в этой болотистой местности. Как и в случаях, описанных Виттфогелем, это была одновременно административная и религиозная элита, управлявшая множеством небольших зависимых общин» (Sayer, 2009: 146)³.

Тот факт, что Виттфогель рассматривал гидравлическую экономику как реакцию общества на трудности хозяйства в засушливом климате, а фенланд, напротив, — увлажненная местность, по Сайеру, не имеет особого значения. Земледелие на болотистой территории, как и на полупустынной, требует огромных трудозатрат для выполнения подготовительных работ, пусть в первом случае — это орошение, а во втором прежде всего — дренаж и сооружение водоотводных каналов (Sayer, 2009: 145).

Итак, экономические базисы общества фенланда и гидравлического общества Виттфогеля идентичны, а политические надстройки — нет, и поэтому фенланд, по Сайеру, не гидравлическое общество, если такое общество вообще существует (Sayer, 2009: 146).

Все вышесказанное вызывает сомнения в корректности теории Виттфогеля. Согласно этой теории, гидравлическая экономика обуславливает появление гидравлического государства, между тем в фенланде этот тип хозяйства сосуществует с феодальным политическим строем.

Таким образом, Сайер показывает, что обновленная и переосмысленная теория Виттфогеля, в которой оставлено только ее здоровое экономическое ядро, обладает гораздо более широкими границами применимости, чем думал сам Виттфогель: «Теория гидравлического общества может быть ошибочной, но экономическая модель, предложенная Виттфогелем, может быть использована для описания ситуаций

3. Виттфогель высказывал похожие соображения по поводу характера средневековой церкви как социального института. В «Oriental despotism» он объясняет организационную силу церкви и ее способность к возведению монументальных сооружений тем, что она была «институтом, который в отличие от всех остальных значимых институтов Запада практиковал как феодальные, так и гидравлические модели организации и хозяйствования» (Wittfogel, 1957: 45). Впрочем, в дальнейшем он не развивает эту мысль.

на региональном и национальном уровнях... это относится не только к обществам пустынь или полупустынь, но и к хозяйству болотистых регионов в уже стратифицированных германских феодальных обществах» (Sayer, 2009: 146). Замечание относительно применимости теории Виттфогеля к описанию стратифицированных обществ особенно любопытно. Сайер (в отличие от Мидларски) воспринимает теорию восточного деспотизма Виттфогеля как модель перерождения бесклассового общества в деспотическое (Sayer, 2009: 134–135).

Возможно, самая экстравагантная интерпретация теории Виттфогеля принадлежит Ральфу Сигмунду. Анализируя различные теории, объясняющие возникновение египетского государства, в диссертации «A critical review of theories about the origin of the ancient Egyptian state» (Sigmund, 1999) он называет теорию Виттфогеля дескриптивной (mere descriptive of common aspects), в то время как другие авторы полагали, что эта теория призвана объяснять причинно-следственные связи. Такое толкование гидравлической теории тем более неожиданно, что Виттфогель в «Oriental despotism» за редчайшими исключениями (вроде уже упомянутого квазигидравлического характера церкви) вплетает свои наблюдения в каузальные построения.

Мэтью Дэвис в статье «Wittfogel's dilemma: heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia» (Davies, 2009), анализируя критику теории Виттфогеля, приходит к выводу, что фактические возражения этнографов и археологов противоречат друг другу: «Теории археологов относительно связи ирригации и социальной стратификации, возникшие в ответ на теорию гидравлического государства, часто противоречат этнографическим данным, также используемым для критики теории Виттфогеля» (Davies, 2009: 19).

Суть этого парадокса, который он называет «дилеммой Виттфогеля», заключается в следующем. Этнографы, изучая современные (в частности, восточноафриканские) племена, практикующие ирригацию, приходят к выводу, что для ведения подобного хозяйства вовсе не нужно централизованной власти: «...многочисленные восточноафриканские племена демонстрируют отсутствие централизованного контроля в управлении ирригационными системами и поддержании их в рабочем состоянии» (Davies, 2009: 17).

Власть в таких «гидравлических» племенах принадлежит, с одной стороны, собраниям всех мужчин, а с другой — советам старейшин (Davies, 2009: 22). Виттфогель придерживался на этот счет иного мнения просто потому, что невнимательно прочитал отчет английского колониального чиновника о племени покот в Северо-Восточной Кении (Davies, 2009: 17). Он привел его в качестве примера вождеской деспотии, в то время как оно представляет собой ярчайшую иллюстрацию коллективного способа правления.

Еще одним аргументом против теории Виттфогеля является равное распределение земли между всеми сыновьями даже в первобытных ирригационных племенах покот и мараквет (Davies, 2009: 25). Напомним, что Виттфогель считал равное распределение собственности инструментом в руках государства для ослабления собственников. В упомянутых племенах государства нет.

Мы не располагаем данными, позволяющими судить о том, что ирригация способствует имущественному расслоению и возникновению классового общества.

Скорее, природные условия, способствующие развитию ирригации, препятствуют социальной стратификации, так как неимущие (have nots), т. е. отлученные от воды, в полупустынном климате просто не выживут (Davies, 2009: 25).

В то же время в археологической среде господствует подкрепленное фактически данными представление о том, что ирригационное строительство было побочным продуктом политической централизации (Davies, 2009: 18).

Для объяснения взаимосвязи ирригации и политической централизации применялись различные схемы. Все они наталкивались на упомянутое выше противоречие: в древних обществах возникла деспотическая власть, тогда как этнографические данные свидетельствуют о том, что ирригация приводит к усилению власти корпоративной.

Для разрешения этой дилеммы Дэвис предлагает следующую модель возникновения стратифицированного иерархического общества на основе ирригационного нестратифицированного.

Ирригация способствует появлению децентрализованной коллективной власти. Это приводит к развитию других, авторитарных локусов власти, прямо не связанных с ирригацией (основанных, например, на личной харизме или религиозном авторитете). И эти новые источники власти подчиняют себе всю систему племенной «бюрократии» старейшин, основанную на ирригации.

Таким образом, мы должны отбросить представление о единой иерархии как о единственном источнике политической власти в любом обществе. Тогда мы сможем правильно оценить роль ирригации и других источников власти, разрешив тем самым «дилемму Виттфогеля» (Davies, 2009: 27).

Сверхобобщения, фактические погрешности и алогизмы в теории Виттфогеля

В теории Виттфогеля можно найти много фактических неточностей и ошибок (некоторые из них уже упоминались). Это относится и к довольно узкой фактологической базе (Виттфогель, по-видимому, хорошо знаком только с источниками по истории Китая), и к более чем вольной трактовке имеющихся у него источников.

Иногда склонность Виттфогеля к сверхобобщениям нельзя объяснить его неосведомленностью. Будучи синологом, он не мог не знать о социальном строе эпохи Весны и Осени в Китае, напоминающем строй феодальной Европы. Тем не менее Виттфогель не разбирает всерьез этот случай, ограничиваясь единичным упоминанием о переписях, проводившихся в Чжоу (Wittfogel, 1957: 51) (что вряд ли может быть аргументом в пользу принципиального различия европейского и западночжоуского общественного строя).

Кроме того, он роняет замечание о том, что «свободные формы земельной собственности», возобладавшие в период Западного Чжоу, были впоследствии ограничены под влиянием «внутриазиатских сил» (Inner Asian forces). «На ранних стадиях развития китайского государства она [частная собственность] была так же малозначима, как и в доколумбовой Америке; под влиянием внутриазиатских сил Китай временно отказался от свободных форм земельной собственности, которые возобладали

в конце эпохи Чжоу, и в правление династий Цинь и Хань регулируемые формы земельной собственности возобладали вновь» (Wittfogel, 1957: 305–306).

Это звучит очень странно. Ранее Виттфогель писал, что гидравлические модели общественного устройства появляются в регионах ирригационного земледелия. В таком случае было бы логично, если бы ограничение прав собственности являлось результатом воздействия Китая на Центральную Азию, а не наоборот. Если же считать гидравлическое государство результатом влияния кочевников, то следует радикально пересматривать всю теорию.

Поскольку Виттфогель больше не возвращается к этой мысли, мы не можем установить, что именно он имел в виду. Возможно, он считал государство Цинь, которое достигло наибольших успехов в гидравлическом хозяйстве и объединило в итоге Китай, наследником кочевых традиций. Тогда мы можем обвинить Виттфогеля в том, в чем он обвинил Маркса, — сознательном уклонении от продолжения цепи рассуждений, если предполагаемые выводы противоречат раз принятой концепции.

В качестве примера сомнительной интерпретации данных можно привести заявление Виттфогеля о том, что в крестьянской реформе 1861 года в России проявилось подчинение собственнических интересов русской знати своим бюрократическим интересам (Wittfogel, 1957: 342).

Не менее искусственным выглядит и различие налогов в демократическом и деспотическом обществах на основе выделяемого Виттфогелем критерия — эффективности. По Виттфогелю, при демократии: «Доходы частных лиц, идущие на содержание государственного аппарата, используются только на покрытие тех расходов, необходимость которых доказана, так как собственники способны держать государство под контролем» (Wittfogel, 1957: 310). Этот тезис нуждается в доказательстве.

Можно привести также несколько примеров обобщений, которые, по-видимому, вызваны недостаточной осведомленностью Виттфогеля:

1) «Статус исламского правителя (калифа или султана) неоднократно менялся, но никогда не терял своего религиозного значения» (Wittfogel, 1957: 97). Он приводит пример исламских государств, чтобы продемонстрировать роль религии в легитимизации гидравлических государств. Между тем это его обобщение сомнительно. Османский султан провозгласил себя халифом только в 1517 году, а сельджукские, мамлюкские и все прочие доосманские султаны были чисто светскими монархами. Аббасидские халифы при их дворах не обладали никакой властью, *de jure* оставаясь руководителями мусульманской уммы.

2) «Будучи установлены в одностороннем порядке, конституционные установления меняются также в одностороннем порядке» (Wittfogel, 1957: 102).

Виттфогель имеет в виду, что «конституционные» установления деспотических режимов правителю было легко нарушить. Это, пожалуй, слишком широкое обобщение. Можно привести контрпример — Яса. Ее нарушение могло привести к смерти правителя, как в случае чагатайского хана Мубарака (он принял ислам и переселился в город). А могло и не привести, как в случае золотоордынского хана Узбека (но и Узбек не смог сломать традицию мановением руки — ему пришлось выдержать тяжелую гражданскую войну с беками-язычниками и истребить значительную часть коче-

вой аристократии). Так или иначе, конституция и вправду устанавливалась *one-sidedly*, но ее было не так просто *one-sidedly* же отменить.

3) Виттфогель пишет, что в деспотических странах не было сил, способных выступить против власти, хотя сам же привел цитату из Арташастры, где правителю не советуют преследовать людей, за которыми стоят могущественные клики (Wittfogel, 1957: 103).

4) Виттфогель развивает концепцию «права на восстание» в деспотических обществах (Wittfogel, 1957: 104). Здесь, видимо, отразился его опыт синоведа. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что его экстраполяция китайской теории Мандата Неба на прочие гидравлические общества совершенно некорректна. Впрочем, на это указывает тот факт, что Виттфогель не приводит никаких других примеров, кроме китайского.

Единственная практика, хотя бы отдаленно напоминающая китайскую, — позднеосманская. Шесть османских султанов в XVII–XVIII веках были свергнуты по одному и тому же сценарию: шейх-уль-ислам издавал фетву, объявляющую султана отступником, и янычары (обычно при поддержке горожан) свергали его.

Но это были военные перевороты, и к тому же практика свержения султанов не была подкреплена какой-либо специальной теорией (по аналогии с теорией Мандата Неба).

Таким образом, Виттфогель, по крайней мере отчасти, склонен к неправомерным обобщениям и сведению всего разнообразия «гидравлического» мира к китайскому образцу.

5) Отдельный и очень важный аспект теории Виттфогеля представляет собой его классовая теория (и, соответственно, теория собственности). По его мнению, правящим классом в гидравлических государствах является бюрократия, а отличительной чертой этих государств — систематическое ослабление частной собственности.

Как пишет Виттфогель, инкские законы, ограничивающие роскошь, углубляли пропасть между элитой и народом: «...пропасть между двумя сословиями расширилась благодаря законам, которые сделали обладание золотом, серебром, драгоценными камнями... привилегией правителей» (Wittfogel, 1957: 130).

Еще до этого неоднократно, начиная со страницы 60, Виттфогель подчеркивал, что законы о равном наследовании в гидравлических обществах были нацелены на раздробление и ослабление собственности. По поводу этого нам хотелось бы высказать три соображения.

Во-первых, ограничения престижного потребления встречаются повсеместно (вспомним европейские законы о роскоши). Как европейские, так и инкские законы были направлены на защиту престижа юридически привилегированных членов правящей элиты от состоятельных членов юридически непривилегированных групп. Так что инкский пример, по-видимому, ничего не доказывает.

Во-вторых, Виттфогель систематически смешивает два вида частной собственности: собственность производителя и собственность эксплуататора (только этим можно объяснить тезис о том, что ограничение роскоши увеличивало дистанцию между «commoners» и элитой). Есть только одно исключение — однажды он упоминает о том, что в большинстве гидравлических государств частная собственность на землю

была преимущественно помещичьей, а в Китае — крестьянской. Больше он ни разу не проводит различия между собственностью отчужденной и неотчужденной от производителей.

В-третьих, приводимый Виттфогелем пример — разрешение русским дворянам передавать землю всем сыновьям — никак не может считаться примером гидравлической политики хотя бы потому, что отмена майората в России была лишь одним из этапов превращения условного дворянского держания в настоящую собственность, чего не должен допускать деспотический режим.

б) Виттфогель приписывает практически все упоминаемое им социальное зло деспотизму (или его бледной тени в виде европейского абсолютизма). Это касается, в частности, вопроса о преследовании ведьм. «Нет никаких сомнений, что раздробленность средневекового общества приводила как к ересям, так и к фанатичному желанию искоренить их; но только в рамках усиливающегося абсолютизма эти тенденции привели к учреждению инквизиции» (Wittfogel, 1957: 166). Торквемада или Карпцов, действительно, были представителями монаршей власти. Однако инквизиция существовала не только в абсолютистских государствах, но и в республиках.

Если наличие трибунала в Венеции можно считать результатом влияния абсолютистских государств, то многие другие факты, например процесс Салемских ведьм в Новой Англии, такому объяснению не поддаются. Строго говоря, неясно, каким образом вера в колдовство зависит от степени деспотизма.

Выводы

Концепция Виттфогеля достаточно оригинальна: первоначально отталкиваясь от марксизма (это видно уже по тому, что он оперирует марксистскими понятиями), он пришел к совершенно немарксистским выводам. Так, по Виттфогелю, гидравлическая надстройка может переноситься в общества, где нет гидравлического базиса (Китай — Монгольская империя — Россия).

Впрочем, мы не смогли найти у него внятного ответа на вопрос, почему в России удалось внедрить деспотию, а в Японии, несмотря на тысячелетние связи с Китаем, — нет. Отсутствие деспотизма в Японии нельзя объяснить тем, что она не подвергалась завоеванию деспотией. Деспотизм вполне может проникнуть в страну и путем культурной диффузии, как это произошло в Риме, а культурное влияние Азии (не только Китая) на Японию было колоссально. Более того, попытки установления деспотии в Японии предпринимались (реформы Тайко и Токугавы). Виттфогель объясняет их провал тем, что японская ирригационная система была децентрализованной. Но и в России условия для создания огромного агроменеджерального хозяйства отсутствовали. Так что вопрос о причинах японской устойчивости к деспотии остается открытым.

Виттфогель отходит от марксистских представлений и в вопросе об определяющем факторе развития. С его точки зрения, для возникновения гидравлического общества недостаточно географических, технических или экономических факторов — нужны и культурные (Wittfogel, 1957: 161). Виттфогель придерживается принципа «свободной воли сообществ» (он, естественно, не формулирует это таким образом). По его

мнению, многие общества отвергли ирригационный способ производства, дабы сохранить свои свободы.

Возможно, самым слабым местом работы Виттфогеля является не демонизация Востока, а идеализация Запада. (Мы имеем в виду его некритичное принятие некоторых сомнительных идеальных схем развития Запада.) Виттфогель подробно разбирает разные аспекты жизни гидравлических обществ, чтобы установить, существовали ли в них те или иные явления. Но чтобы утверждать, что эти черты были для них эндемичны, следовало бы провести более тщательный анализ истории дождевых экономик Европы. Тогда Виттфогель, возможно, обнаружил бы, что, например, «бюрократический капитализм», тесно связанный с государством, в том числе исполняющий административные функции (вроде сбора налогов), и основным ресурсом которого является политическая власть, — ничуть не является атрибутом деспотии. Если пользоваться терминологией Броделя, то это и есть единственный вид капитализма, когда-либо существовавший на этом свете, все остальное — вообще не капитализм, а рыночная экономика.

Что касается современной критики Виттфогеля, то спор ведется не только по поводу истинности тех или иных его положений, но и по поводу их интерпретации. Так, идет дискуссия, следует ли понимать концепцию гидравлического государства как модель государствообразования на основе бесклассового общества (так считал Мидларски), или же как модель перерождения уже стратифицированного общества в деспотию (так воспринимал эту теорию Сайер).

Идеи, высказанные в найденных нами статьях, можно свести к нескольким положениям.

Виттфогель допускал фактические ошибки, неправильно интерпретировал данные. Так, Мидларски полагает, что Виттфогель ошибался в оценке устройства Крита. Бонг В. Канг высказывал традиционное возражение археологов Виттфогелю, что централизация предшествует ирригации, а также что политические центры не совпадают с ирригационными. С другой стороны, авторы статьи «*Canals versus Horses: political power in the oasis of Samarkand*» полагают, что ирригационные системы, как правило, вовсе не нуждаются в государственном контроле и поэтому уровень интенсивности ирригации никак не коррелирует с уровнем политической централизации.

Идеи Виттфогеля следует доработать. Мидларски предлагает внести в модель Виттфогеля новый географический фактор — наличие сухопутных границ. Более оригинальный подход у авторов статьи «*Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen*». Они считают, что следует отбросить политическую составляющую модели Виттфогеля и использовать только ее экономическую часть. В этом случае она будет описывать куда более широкий круг явлений, чем думал сам Виттфогель.

Встречается и апологетика Виттфогеля: как апологетика всей его концепции (у Прайса), так и защита его идей от отдельных несправедливых аргументов противников Виттфогеля (у Лиис).

Мы можем найти также и критику Виттфогеля, в которой предлагается новая модель описания тех же явлений (Lansing et al., 2009).

В двух статьях (Lansing et al., 2009; Lees, 1994) встречаются схожие идеи: большие, регулируемые государством ирригационные системы неэффективны и при капитализме. Эту мысль развивает Роксана Хафиз в своей диссертации (Hafiz, 1998). С ее точки зрения, гидравлическое устройство общества сохраняется и при капиталистических экономических отношениях, продолжая, пусть и в другой форме, консервировать старую социальную структуру и нищету масс.

Политизированность теории Виттфогеля признает даже его апологет Дэвид Гольдфранк. В статье «Muscovy and the Mongols: what's what and what's maybe» он замечает, что идеологизированность концепции гидравлического государства портила подчас блестящий анализ Виттфогеля и вызвала в итоге неприятие самого понятия деспотизма (Goldfrank, 2000).

Любопытно, что неявно политизированный подтекст теории Виттфогеля, по видимому, распознается даже теми авторами статей, которые об этом не пишут. «Компаративистика середины XX века подарила миру „Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотального террора“ [„A comparative study of total **terror**“ вместо „A comparative study of total **power**“] Карла Виттфогеля, книгу, которая стимулировала глубокие исследования ирригационного хозяйства по всему миру» (Westcoat, 2009: 63). Ошибка, допущенная в названии книги Виттфогеля, тем более примечательна, что в библиографии оно указано правильно. Вероятно, автор воспринимает содержание этой книги именно так, как написал в тексте, а не в библиографии, привязывая концепцию Виттфогеля к актуальному политическому контексту.

Литература

- Нуреев Р., Латов Ю. (2007). Конкуренция западных институтов частной собственности с восточными институтами власти-собственности в России // Модернизация экономики и общественное развитие. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. С. 65–77.
- Allen R. C. (1997). Agriculture and the origins of the state in Ancient Egypt // *Explorations in Economic History*. Vol. 34. № 2. P. 135–154.
- Arco L. J., Abrams E. M. (2006). An essay on energetics: the construction of the Aztec chinampa system // *Antiquity*. Vol. 80. № 310. P. 906–918.
- Barendse R. J. (2000). Trade and state in the Arabian Seas: a survey from the fifteenth to the eighteenth century // *Journal of World History*. Vol. 11. № 2. P. 173–225.
- Bassin M. (1996). Nature, geopolitics and marxism: ecological contestations in Weimar Germany // *Transactions of the Institute of British Geographers. New Series*. 1996. Vol. 21. № 2. P. 315–341.
- Beloff M. (1958). Review of «Oriental despotism: a comparative study of total power» by Karl A. Wittfogel // *Pacific Affairs*. 1958. Vol. 31. № 2. P. 186–187.
- Billman B. R. (2002). Irrigation and the origins of the southern Moche state on the north coast of Peru // *Latin American Antiquity*. 2002. Vol. 13. № 4. P. 371–400.
- Bonner R. E. (2003). Local experience and national policy in federal reclamation: the Shoshone Project, 1909–1953 // *Journal of Policy History*. 2003. Vol. 15. № 3. P. 301–323.
- Butzer K. W. (1996). Irrigation, raised fields and state management: Wittfogel redux? // *Antiquity*. 1996. Vol. 70. № 267. P. 200–204.

- Coll S.* (2008). The origins and evolution of democracy: an exercise in history from a constitutional economics approach // *Constitutional Political Economy*. Vol. 19. № 4. P. 313–355.
- Contreras D. A.* (2010). Landscape and environment: insights from the prehispanic central Andes // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 18. № 3. P. 241–288.
- Davies M.* (2009). Wittfogel's dilemma: heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia // *World Archaeology*. Vol. 41. № 1. P. 16–35.
- Davis R. W.* (1999). Review of «Water, technology and development: upgrading Egypt's irrigation system» by Martin Hvidt // *Digest of Middle East Studies*. Vol. 8. № 1. P. 29–31.
- Dorn H.* (2000). Science, Marx, and history: are there still research frontiers? // *Perspectives on Science*. Vol. 8. № 3. P. 223–254.
- East G. W.* (1960). Review of «Oriental despotism: a comparative study of total power» by Karl A. Wittfogel // *Geographical Journal*. Vol. 126. № 1. P. 80–81.
- Eberhard W.* (1958). Review of «Oriental despotism: a comparative study of total power» by Karl A. Wittfogel // *American Sociological Review*. Vol. 23. № 4. P. 446–448.
- Eisenstadt S. N.* (1958). The study of oriental despotisms as systems of total power // *Journal of Asian Studies*. Vol. 17. № 3. P. 435–446.
- Ertsen M. W.* (2010). Structuring properties of irrigation systems: understanding relations between humans and hydraulics through modeling // *Water History*. Vol. 2. № 2. P. 165–183.
- Fargher L. F., Blanton R. E.* (2007). Revenue, voice, and public goods in three pre-modern states // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 49. № 4. P. 848–882.
- Finlay R.* (2000). China, the West, and world history in Joseph Needham's «Science and civilisation in China» // *Journal of World History*. Vol. 11. № 2. P. 265–303.
- Flanders N. E.* (1998). Native American sovereignty and natural resource management // *Human Ecology*. Vol. 26. № 3. P. 425–449.
- Gerhart N.* (1958). The structure of total power // *Review of Politics*. Vol. 20. № 2. P. 264–270.
- Glick T. F.* (1998). Irrigation and hydraulic technology: medieval Spain and its legacy // *Technology and Culture*. Vol. 39. № 3. P. 564–566.
- Goldfrank D.* (2000). Muscovy and the Mongols: what's what and what's maybe // *Kritika*. Vol. 1. № 2. P. 259–266.
- Hafiz R.* (1998). After the flood: hydraulic society, capital and poverty. Ph.D. University of New South Wales (Australia).
- Halperin C. J.* (2002). Muscovy as a hypertrophic state: a critique // *Kritika*. Vol. 3. № 3. P. 501–507.
- Hauser-Schäublin B.* (2003). The precolonial Balinese state reconsidered: a critical evaluation of theory construction on the relationship between irrigation, the state, and ritual // *Current Anthropology*. Vol. 44. № 2. P. 153–181.
- Henderson K.* (2010). Water and culture in Australia: some alternative perspectives // *Thesis Eleven*. Vol. 102. № 1. P. 97–111.
- Horesh N.* (2009). What time is the «great divergence»? And why economic historians think it matters // *China Review International*. Vol. 16. № 1. P. 18–32.
- Howe S.* (2007). Edward Said and marxism: anxieties of influence // *Cultural Critique*. № 67. P. 50–87.
- Hugill P. J.* (2000). Science and technology in world history // *Technology and Culture*. Vol. 41. № 3. P. 566–568.
- Januseka J. W., Kolata A. L.* (2004). Top-down or bottom-up: rural settlement and raised field agriculture in the Lake Titicaca Basin, Bolivia // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 23. № 4. P. 404–430.

- Jun L.* (1995). In defence of the Asiatic mode of production // *History of European Ideas*. Vol. 21. № 3. P. 335–352.
- Kang B. W.* (2006). Large-scale reservoir construction and political centralization: a case study from ancient Korea // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 62. № 2. P. 193–216.
- Kotkin S.* (2007). Mongol commonwealth? Exchange and governance across the post-Mongol space // *Kritika*. Vol. 8. № 3. P. 487–531.
- Lalande J. G.* (2001). Review of «Muscovy and the Mongols: cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589» by Donald Ostrowski // *Canadian Journal of History*. Vol. 36. № 1. P. 115–117.
- Landes D. S.* (2000). The wealth and poverty of nations: why some are so rich and others so poor // *Journal of World History*. Vol. 11. № 1. P. 105–111.
- Lane K.* (2009). Engineered highlands: the social organization of water in the ancient north-central Andes (AD 1000–1480) // *World Archaeology*. Vol. 41. № 1. P. 169–190.
- Lansing S. J., Cox M. P., Downey S. S., Janssen M. A., Schoenfelder J. W.* (2009). A robust budding model of Balinese water temple networks // *World Archaeology*. Vol. 41. № 1. P. 112–133.
- Lees S. H.* (1994). Irrigation and society // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 2. № 4. P. 361–378.
- Limbert M. E.* (2001). The senses of water in an Omani town // *Social Text*. Vol. 19. № 3 (68). P. 35–55.
- Lipsett-Rivera S.* (2000). Antología sobre pequeño riego // *Hispanic American Historical Review*. Vol. 80. № 2. P. 365–366.
- Macrae D. G.* (1959). Review of «Oriental despotism: a comparative study of total power» by Karl A. Wittfogel // *Man*. Vol. 59. June. P. 103–104.
- Marsak B., Raspopova I.* (1991). Cultes communautaires et cultes privés en Sogdiane // *Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique: sources écrites et documents archéologiques* / éd. P. Bernard et F. Grenet. Paris: CNRS. P. 187–196.
- Midlarsky M. I.* (1995). Environmental influences on democracy: aridity, warfare, and a reversal of the causal arrow // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 39. № 2. P. 224–262.
- O'Tuathail G.* (1994). The critical reading/writing of geopolitics: re-reading/writing Wittfogel, Bowman and Lacoste // *Progress in Human Geography*. Vol. 18. № 3. P. 313–332.
- Olsson O.* (2005). Geography and institutions: plausible and implausible linkages // *Journal of Economics*. Vol. 10. № 1. P. 167–194.
- Ostrowski D. G.* (2000). Muscovite adaptation of steppe political institutions: a reply to Halperin's objections // *Kritika*. Vol. 1. № 2. P. 267–304.
- Palerm A.* (1958). Review of «Oriental despotism: a comparative study of total power» by Karl A. Wittfogel // *American Antiquity*. Vol. 23. № 4. P. 440–441.
- Price D. H.* (1994). Wittfogel's neglected hydraulic/hydroagricultural distinction // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 50. № 2. P. 187–204.
- Price D. H.* (1993). The evolution of irrigation in Egypt's Fayoum Oasis: state, village and conveyance loss. Ph.D. University of Florida.
- Pulleyblank E. G.* (1958). Review of «Oriental despotism: a comparative study of total power» by Karl A. Wittfogel // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 1. № 3. P. 351–353.
- Rothman M. S.* (2004). Studying the development of complex society: Mesopotamia in the late fifth and fourth millennia BC // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 12. № 1. P. 75–119.
- Saussy H.* (2000). Outside the parenthesis (those people were a kind of solution) // *MLN*. Vol. 115. № 5. P. 849–891.

- Sayer D.* (2009). Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen // *World Archaeology*. Vol. 41. № 1. P. 134–150.
- Shah E.* (2008). Telling otherwise: a historical anthropology of tank irrigation technology in south India // *Technology and Culture*. Vol. 49. № 3. P. 652–674.
- Sidky M. H.* (1994). Irrigation and state formation in Hunza: the cultural ecology of a hydraulic kingdom. Ph.D. The Ohio State University.
- Siegemund R. H.* (1999). A critical review of theories about the origin of the ancient Egyptian state. Ph.D. University of California, Los Angeles.
- Singer J. D.* (2002). The rise and decline of the state // *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 32. № 3. P. 445–447.
- Squatriti P.* (1999). Water and society in early medieval Italy, AD 400–1000 // *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 30. № 3. P. 507–508.
- Stamp L. D.* (1958). Review of «Oriental despotism: a comparative study of total power» by Karl A. Wittfogel // *International Affairs*. Vol. 34. № 3. P. 334–335.
- Steinmetz G.* (2010). Ideas in exile: refugees from Nazi Germany and the failure to transplant historical sociology into the United States // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 23. № 1. P. 1–27.
- Stride S., Rondelli B., Mantellini S.* (2009). Canals versus horses: political power in the oasis of Samarkand // *World Archaeology*. Vol. 41. № 1. P. 73–87.
- Swyngedouw E.* (2009). The political economy and political ecology of the hydro-social cycle // *Journal of Contemporary Water Research & Education*. Vol. 142. № 1. P. 56–60.
- Takahashi G.* (2010). The need of East Asian agricultural community and the framework // *Agriculture and Agricultural Science Procedia*. Vol. 1. P. 311–320.
- TeBrake W. H.* (2002). Taming the waterwolf: hydraulic engineering and water management in the Netherlands during the Middle Ages // *Technology and Culture*. Vol. 43. № 3. P. 475–499.
- Van Sittert L.* (2004). The supernatural state: water divining and the Cape underground water rush, 1891–1910 // *Journal of Social History*. Vol. 37. № 4. P. 915–937.
- Wells C. E.* (2006). Recent trends in theorizing prehispanic Mesoamerican economies // *Journal of Archaeological Research*. 2006. Vol. 14. № 4. P. 265–312.
- Wescoat J. L.* (2009) Comparative international water research // *Journal of Contemporary Water Research & Education*. Vol. 142. № 1. P. 61–66.
- Wittfogel K. A.* (1938). Die Theorie der orientalischen Gesellschaft // *Zeitschrift für Sozialforschung*. Jg. 7. № 1-2. S. 90–122.
- Wittfogel K. A.* (1957). Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press.